

— Слышали? Третьему принцу конец!

— И правда, конец. Теперь-то уж точно никто не сможет соперничать с седьмым принцем, верно?

— Но ведь император до сих пор не назначил наследника и не пожаловал седьмому принцу титул вана.

— Ну и что с того? Четвертый принц умер во младенчестве, второй рожден от служанки, всегда был робким и не пользовался влиянием, пятый принц сошел с дистанции еще несколько лет назад. Теперь пал и третий. Назначение наследника — лишь вопрос времени, кто, кроме седьмого принца, может им стать?

— А как же старший принц? Он ведь, можно сказать, законнорожденный, от первой императрицы!

— Ха-ха-ха! — в толпе раздался взрыв смеха. — Какой он законнорожденный? Да второй принц и то вызывает больше доверия, чем он.

— Это еще почему?

— То, что он от первой императрицы — правда, да только она была низложена за отравление наложниц и принцев. Император давно питает к ним с матерью глубочайшее отвращение, и то, что он не лишил его статуса и не превратил в простолюдина — уже проявление милосердия!

— Обо всех поговорили, а где же шестой принц?

— Шестой принц... Эх, какая беда.

— Разве он не умер еще в детстве?

— В те времена великого полководца-защитника страны обвинили в государственной измене, императрица Ли покончила с собой во дворце Вэйян, а шестой принц с тех пор исчез. На самом деле, он был самым любимым сыном императора. Тот днями напролет не выпускал его из рук, даже на утренние аудиенции брал с собой!

— Да, если бы не те события... кто знает, как сложилась бы судьба Поднебесной сейчас...

— Кстати, раз уж третий принц пал, это потянуло за собой старые дела, и дело об измене полководца было наконец пересмотрено. Император посмертно пожаловал ему титул князя Чжунъюн, лично распорядился возвести поминальный храм и даже хочет... вернуть шестого принца в столицу.

— Значит, шестой принц не погиб?

— Никто не знает, где он, но император убежден, что он жив. Он даже выделил три тысячи воинов маленькому генералу Ли и приказал ему отправиться на запад на поиски Шэнь Цзи.

— Почему именно на запад?

— Может быть, потому что... император никогда не оставлял надежды найти этого сына.

— Но если шестого принца найдут, тогда седьмому принцу не поздоровится...

— А ты знаешь, почему третьего принца так быстро свергли?

— Потому что стоящий за ним дом премьер-министра погубил любимую женщину и сына императора. Узнав об этом, государь без колебаний приказал поднести сыну чашу с ядом.

— Но ведь когда погиб великий полководец, третий принц был еще ребенком.

— Сердца людей всегда к кому-то склоняются, а император — тоже человек.

— Неужели он готов ради любимого ребенка смести все препятствия на своем пути?

— Вот именно поэтому седьмой принц не позволит шестому вернуться.

— Ни за что не позволит.

Сегодня я был по-настоящему зол. А когда я злюсь, то люблю пинать двери.

Я с размаху ударил ногой по двери и громовым голосом, способным оглушить старого монаха, торжественно объявил:

— Учитель, ученик хочет вернуться в мир!

Старый монах, у которого во рту был чай, выплюнул его весь до последней капли. Человек, сидевший рядом с ним, от неожиданности не удержал чашку, и чай разлился по полу.

Вот черт, не заметил, что в комнате кто-то есть.

Перед посторонними мне все же нужно было сохранить лицо учителя. Я принял свой обычный

благочестивый вид, сложил руки и пробормотал:

— Амиабха. Приветствую вас, господин.

— Мое почтение, — в голосе незнакомца слышалась сдержанная усмешка. Он звучал бархатно, с легкой хрипотцой в конце фразы, что было до странности притягательно. Подумалось: этот человек определенно нравится женщинам. — Осмелюсь спросить, достопочтенный мастер, по какой причине вы изъявили желание вернуться в мир?

Я поднял голову и внимательно его осмотрел:

— Господин действительно хочет знать?

Старый монах посмотрел на меня, потом на него, вздохнул и предпочел промолчать.

Незнакомец с интересом произнес:

— Прошу, просветите меня.

Я вздохнул:

— Не стану скрывать, история до крайности нелепая. Я принял обет еще в детстве и десятки лет посвятил совершенствованию... — Я проигнорировал попытки старого монаха вставить слово и продолжил: — Кто бы мог подумать, что однажды, спустившись с горы...

Не успел я закончить, как у меня за спиной раздался голос, который я меньше всего хотел слышать:

— Кто бы мог подумать, что, спустившись с горы, ты встретишь меня?

Я ловко увернулся от когтистой лапы, тянувшейся к моему плечу:

— Маленький князь, ведите себя пристойно.

— А вот и не буду. — Вэй Минцзюэ, хозяин лапы, сначала поклонился старому монаху: — Минцзюэ приветствует мастера Тяньцина. — Его взгляд скользнул по комнате, он приподнял бровь: — А это кто?

— О, знаменитый маленький князь, прошу прощения за невежество, — человек, которого он назвал простолюдином, не выказал ни капли подобострастия. Его персиковые глаза слегка сузились, излучая фривольность бродячего рыцаря: — Я Чу Шэчжи, приветствую маленького

князя.

Чу Шэчжи? Я немедленно обернулся к учителю. С каких это пор он водит дружбу с первым рыцарем цзянху?

— Чу Шэчжи? — Вэй Минцзюэ, этот остопоп, нахмурился. — Кажется, слышал это имя. Раз уж мы у мастера, давайте обойдемся без формальностей.

Я едва не рассмеялся. Если бы у учителя был такой авторитет, Вэй Минцзюэ не появился бы в этой келье. Однако стал бы я это озвучивать? Разумеется, нет. Как прославленный маленький святой монах Фанланя, я должен поддерживать свой холодный и отстраненный образ.

Чу Шэчжи с полуулыбкой посмотрел на меня:

— Кажется, я начинаю понимать, почему мастер хочет вернуться в мир.

Плохо дело. Моя безупречная репутация рушится на глазах.

Почему я так говорю? Вэй Минцзюэ, хоть и владеет боевыми искусствами, звезд с неба не хватает — уровень так себе. Единственное, что обсуждают в цзянху — это его необычные пристрастия и титул князя-толстосума. Будучи единственным сыном принцессы Юньшан, самым молодым и праздным князем, он был богат до того, как открыто заявил о своих предпочтениях, и остался богат после, став даже еще богаче. Одного состояния принцессы хватило бы, чтобы до самой смерти сорить деньгами в лучших столичных заведениях, не говоря уже о компенсациях, дарованных императором.

Говоря о нем, нельзя не упомянуть его бесчисленных любовников. Маленький князь никогда не довольствовался мальчиками из заведений — знатные дома, влиятельные кланы, он никого не боялся задеть. Больше всего он любил вольных рыцарей цзянху: стоило им приглянуться друг другу, как они оказывались в объятиях, не боясь последствий. Но не все в цзянху такие ветреные, как он. Если бы он не задел сына одного из моих верных прихожан, я бы с ним в жизни не встретился.

Вэй Минцзюэ оживился:

— Ты правда хочешь вернуться в мир?

— Ничего подобного, — я холодно посмотрел на него. — Мое сердце принадлежит Будде. Прошу вас, не докучайте мне. Сегодня в храме Белого Дракона важные гости, других прихожан мы не принимаем. Прошу вас уйти.

Вэй Минцзюэ выглядел таким обиженным, будто это не он принуждал монаха к светской жизни, а я его притеснял. Впрочем, хотя умом этот человек не блещет, в присутствии старших

он ведет себя сдержанно — это единственный светлый момент среди множества его недостатков.

— Маленький князь, прошу, останьтесь, — подал голос Чу Шэчжи, о котором я уже почти забыл. — Я пришел в храм Белого Дракона с просьбой к мастеру Тяньцзину. Дело отчасти касается императорского двора. Не слышали ли вы об этом?

Он осторожно достал из-за пазухи мешочек, положил его на стол и пододвинул к Вэй Минцзюэ:

— Это мне дал один друг. В его трактире появилось много людей, тайно торгующих этим. Они называют его Порошок Высшего Блаженства.

Вэй Минцзюэ нахмурился, открыл мешочек, взял щепотку порошка и поднес к носу. Спустя мгновение он хмыкнул:

— Низкопробный.

— О? — глаза Чу Шэчжи прищурились, отчего он стал похож на лиса, замышляющего пакость.
— А мой друг говорит, что это товар высшего сорта. Этот маленький мешочек стоит пятьсот лянов серебра.

Вэй Минцзюэ усмехнулся:

— Это не по моей части. Но если твой друг готов подать жалобу, я могу перемолвиться словечком с местным градоначальником, чтобы тот присмотрел за твоим другом. Интересно, захочет ли он этого?

Я наблюдал за происходящим со стороны, понимая, что у Вэй Минцзюэ проснулись его дурные наклонности. К счастью, как бы он ни чудил, он не смел переходить границы в общении со мной.

Вэй Минцзюэ добавил:

— В мире полно желающих услужить императорскому дяде, но я не горю желанием пачкаться в этой грязи. Однако, если вы настаиваете, я могу пойти вам навстречу.

Чу Шэчжи притворился удивленным:

— И какие же условия у князя?

— Очень простые, — Вэй Минцзюэ откинулся на спинку стула, который под ним стал казаться

кушеткой из дворца. — Помнится, ты довольно известен в цзянху. Если ты возьмешься расследовать это дело как официальное лицо, я лично съезжу в столицу и доложу обо всем императору. Что скажешь?

Чу Шэчжи не ожидал такого требования и рассмеялся:

— Маленький князь слишком высокого мнения обо мне. Я всего лишь грубиян из цзянху, мне не место на службе. Боюсь, я вас разочарую.

— Что тут сложного, если я...

— Маленький князь, — видя, что разговор заходит в тупик, я был вынужден вмешаться. В конце концов, Вэй Минцзюэ пререкается из-за меня, и мое молчание было бы недостойным. — Я ценю вашу заботу.

Вэй Минцзюэ поджал губы, явно не желая сдаваться, но уступил:

— Не нужно быть таким официальным.

Я повернулся к Чу Шэчжи:

— Я слышан о вашей репутации и доверяю гостям учителя. Раз уж вы здесь, значит, что-то разузнали. Скажите, человек, который вас нанял — это глава Павильона Ветров и Облаков Вэй Буфань?

Чу Шэчжи замер, но отрицать не стал:

— По правде говоря, он просил меня найти лишь одного человека. Не стану скрывать: три месяца назад в заведениях Павильона Ветров и Облаков внезапно распространился белый порошок, который называют Порошком Высшего Блаженства.

Вэй Минцзюэ усмехнулся:

— Съел — и помер, конечно, это путь к высшему блаженству.

Чу Шэчжи горько улыбнулся:

— Если бы от него умирали сразу, все было бы проще. Беда в том, что поначалу он не убивает, а дарит невероятное наслаждение. Потом дозы увеличиваются, и человек уже не может без него жить. Стоит пропустить день, как он впадает в безумие, подобно сумасшедшему.

— А при постоянном употреблении человек чахнет и умирает в муках, — я закрыл глаза. — Господин Вэй просил вас найти меня, но я... я никуда не поеду.

Чу Шэчжи перестал улыбаться.

Глава Павильона Вэй Буфань и Чу Шэчжи были старыми друзьями. Ходили слухи, что Вэй Буфань хотел выдать за него свою названую сестру. Хотя из этого ничего не вышло, их дружба была крепка.

— Маленький мастер, вы хотите сказать... Но в моих глазах брат Вэй не такой человек.

— Может, вначале и не был, но после того, как попробовал эту дрянь, все могло измениться, — Вэй Минцзюэ скривился. — Фанлань находится на окраине, но если он смог прислать тебя сюда, неужели он думает, что я не посмею испросить указ об обыске его Павильона?

Чу Шэчжи похолодел. Он вымученно улыбнулся:

— То, что вы говорите, совершенно не вяжется с тем, что сказал брат Вэй. Я окончательно запутался. Не могли бы вы рассказать мне все с самого начала?

Осознать, что ошибся в друге — тяжелое испытание. За годы странствий с учителем я повидал немало подобного. То, что Чу Шэчжи смог сохранить хладнокровие, доказывало его исключительную выдержку.

Я припомнил все события, склонил голову и прошептал:

— Эта история долгая...

<http://bllate.org/book/22245/2325283>